

Последствия этого смелого акта не замедлили обнаружиться. Через два дня, когда депутаты третьего сословия находились в церкви Св. Людовика, где им пришлось заседать за неимением залы, туда явились представители духовенства и присоединились к ним для совместной работы.

Королевское заседание, на котором должны были совершиться великие дела, произошло на другой день, 23 июня. Но его эффект уже заранее был ослаблен присягой в *Jeu de Paume* и заседанием в церкви Св. Людовика. Король явился к депутатам. Он отменил все постановления Собрания, т. е. собственно третьего сословия. Он велел сохранить разделение на сословия и их заседания порознь; он определил пределы предстоящих реформ и грозил Генеральным штатам роспуском в случае неповиновения. Пока же он повелел депутатам разойтись.

Дворянство и духовенство повиновались и оставили залу; но депутаты третьего сословия остались на своих местах. Тогда-то Мирабо произнес свою прекрасную и знаменитую речь, в которой он сказал депутатам, что король - не больше как их уполномоченный, что источник их власти - в народе и что раз они принесли присягу, они не имеют права разойтись, не создав конституции. «Находясь здесь по воле народа, они разойдутся, только уступая силе штыков».

Но именно силы у двора уже не было. Еще в феврале Неккер вполне справедливо говорил, что никто больше не повинуется и что даже в войске нельзя быть уверенным.

Что касается до парижского народа, то события 27 апреля показали, каково было его настроение. В Париже с минуты на минуту ждали общего восстания *народа против богатых*, и, несомненно, некоторые из смелых революционеров ходили в темные закоулки предместий, чтобы искать там поддержки против двора. В самом Версале накануне королевского заседания народ чуть не убил одного из депутатов духовенства, аббата Мори, а также депутата третьего сословия д'Эпремениля, перешедшего на сторону дворянства. В самый день заседания хранитель печати и архиепископ парижский были так «освистаны, опозорены, оплеваны и осмеяны, - пишет современник, - что можно было умереть от стыда и бешенства»; а секретарь короля Пасере, сопровождавший министра, действительно «в тот же день внезапно умер». 24 июня епископа города Бовэ чуть не убили в Париже камнем, брошенным ему в голову. 25 июня толпа освистала депутатов дворянства и духовенства. Во дворце архиепископа парижского были выбиты все окна. «Войска отказались бы стрелять в народ», - прямо говорит Артур Юнг.

При таких условиях угроза короля оставалась пустым словом. Настроение народа было слишком грозно, чтобы двор осмелился прибегнуть к силе штыков; и тогда Людовик XVI воскликнул:

«А, впрочем, черт с ними; пусть заседают!»

Но и сами заседания третьего сословия происходили на глазах и под угрозами народа, сидевшего на хорах залы. Уже 17 июня, когда третье сословие объявило себя Национальным собранием, это памятное решение было принято при криках одобрения со стороны публики на хорах и двух- или трехтысячной толпы, окружавшей залу заседаний. Список имен тех трехсот депутатов третьего сословия, которые протестовали против этого решения и сплотились вокруг роялиста Малуэ, ходил по рукам в Париже, и народ собирался сжечь их дома. А когда во время присяги депутатов в *Jeu de Paume* Мартен Дош высказался против этой присяги, председатель Собрания Байи из предосторожности должен был выпустить его через заднюю дверь, чтобы ему не пришлось встретиться с народом, стоявшим у дверей залы; в течение нескольких дней Дош вынужден был скрываться.

Не будь этого давления народа на Собрание, наиболее смелым из депутатов третьего сословия, тем, о которых воспоминание осталось в истории, никогда не удалось бы победить упорство более робких.

А в Париже между тем народ открыто готовился к восстанию в ответ на военный переворот, который подготовлялся двором против Парижа на 16 июля.

X ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПЕРЕВОРОТУ

Обычное представление о событиях 14 июля сводится приблизительно к следующему: Национальное собрание заседало. В конце июня, после двухмесячных переговоров и колебаний, все три сословия наконец объединились. Власть ускользала из рук двора. Тогда придворная партия начала готовить переворот. Были созваны войска и расположены вокруг Версаля; в назначенный День они должны были разогнать Собрание и усмирить Париж.

11 июля, говорится все в том же ходячем изложении событий, Двор решается начать действия: